

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО В РАННЕЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ А.П. ЧЕХОВА

У статті описуються прийоми використання фразеологізмів для створення сатиричного зображення дійсності у ранній публіцистиці А.П. Чехова.

Фразеологические обороты содержат не только смысловое, но и эмоционально-экспрессивное значение – коннотацию. Литераторы часто используют эти особенности фразеологизмов. Своеобразно вводит фразеологизмы в тексты своих ранних публицистических произведений А.П. Чехов. Его не всегда удовлетворяет "стандартная" выразительность фразеологических оборотов – он использует ряд своеобразных приёмов, находя дополнительную экспрессию, с помощью которой добивается сатирического изображения действительности.

Великий русский писатель А.П. Чехов начинал свой путь в литературе как обозреватель и фельетонист в периодической прессе. В программном письме издатель Н.А. Лейкин поставил ему условие писать "обо всём выходящемся в Москве по части безобразий, вышучивать, бичевать, но ничего не хвалить" [1:5].

Сатирическое изображение явлений современной действительности обусловило тщательный отбор языковых изобразительных средств, важное место среди которых занимает русская фразеология. Многообразие проблем в их сатирическом изображении потребовало от автора использования разнообразных по происхождению и стилистической принадлежности фразеологических единиц.

Обзорные статьи и фельетоны были рассчитаны на широкого читателя, поэтому автор, в первую очередь, обращается к народно-разговорной фразеологии: *ни богу свечка, ни чёрту кочерга; диву даваться, вверх торшашками, вылететь в трубу, как с гуся вода, на каждый чих не наздравствуешься, небо коптить; пищит, да лезет; пороть горячку, хоть кол на голове теши, хоть топор вешай, хуже горькой редьки* и под., например: Наши артисты, не в обиду будь им сказано, страшные лентяи! Ученье для них *дурнее горькой редьки*. (Опять о Саре Бернар).

Наряду с разговорной и просторечной фразеологией автор широко использует общеупотребительную фразеологию: *бить в набат, дать о себе знать, отбивать хлеб, открыть глаза, разводиться руками, с распёртыми объятями, хромать на обе ноги, яйца выеденного не стоит* и под. Большинство таких фразеологических единиц пришли из живой разговорной речи, до сих пор сохраняют экспрессивность, что позволило автору использовать их как средство создания комического, например: Женские языки *бьют в набат* (Осколки московской жизни, 1883 г., 30 июля). Философия их чисто московская, топорна, мутна, как Москва-река, белокаменного пошиба и, в общем, *яйца выеденного не стоит* (Осколки московской жизни, 1883 г., 16 июля).

В статьях и фельетонах использованы фразеологические единицы, тяготеющие к книжному стилю: *великие мира сего, великий человек на малые дела, лебединая песня, питаться акридами, прекрасный Иосиф, посыпать пеплом главу, соль земли* и подобные, например: И сей незначительный Дуров – как бы вы думали? – неожиданно оказывается *величайшим человеком на... очень малые дела* (Осколки московской жизни, 1884 г., 18 августа). Глядя на него нельзя сказать, что он *прекрасный Иосиф*, продающийся в рабство (Осколки московской жизни, 1885 г., 2 марта).

Имеются фразеологические единицы, характерные для книжного стиля: *бросить камень* [2:116], *имя им легион* [2:106], *львиная доля* {2:117}, *ни печали, ни воздыхания* [2:113], *плоть и кровь* [2:112], например: К лицам, посещающим бесплатно театр, по традиции принадлежат: ...агенты и приказчики разных электроосветительных компаний, служащие в типографии, печатающей афиши, и многие другие, *имя которых легион* (Осколки московской жизни, 1884 г., 15 сентября). Тогда он задебоширил, загалдел и взвыл к справедливости до тех пор, пока его не повели в участок, где нет ни болезней, *ни печали, ни воздыханий* (Осколки московской жизни, 1885 г., 20 апреля). Ёмкое содержание, яркая внутренняя форма и образность обусловили эмоционально-экспрессивное воздействие на читателя фразеологических единиц книжного стиля в ранних статьях А.П. Чехова.

Адресованность жанров статьи и фельетона к широкому читателю привели к необходимости использования пословично-поговорочных выражений: *на каждый чих не наздравствуешься, на бедного Макара все шишки валяются, не в свои сани не садись, клин клином вышибают* и под., например: На то провидением и черняки дадены, чтобы "господа" да вольтерьянцы *не в свои сани не сажались* (Осколки московской жизни, 1884 г., 22 декабрь). Рок всегда действует по пословице "*клин клином вышибай*", хотя он и не пьяница (Осколки московской жизни, 1883 г., 24 сентября).

В ранней публицистике встречаются фразеологические единицы, восходящие к Библии и другим религиозным источникам, например: Но настали иные времена, всплыли *на свет божий* иные нравы (Осколки московской жизни, 1883 г., 30 июля). *Посыпайте пеплом* ваши главы и рыдайте навзрыд, все коротконогие, слабобедрые и бедрослабые! (Осколки московской жизни, 1883 г., 27 августа).

В своей ранней публицистике А.П. Чехов использует изречения различных общественных деятелей, ставшие крылатыми, например: И между ними...вертится и *лицедействует* актёр-лиитографо-художник Сашин, человек серьёзный, понимающий и обедующий ежедневно в Татарском...*И ты туда же, Брут?!* (Осколки московской жизни, 1885 г., 20 апреля).

Кроме русских фразеологических единиц, А.П. Чехов использует также заимствованные, многие из которых и в современном русском языке используются в нетранслитерированной форме, без перевода, например: Свеченские собаки хватают его за шерсть, борзятник вонзает кинжал в самое сердце и – *vae victisi* (*горе побеждённым*, лат.) – волк падает, унося с собою в могилу плохое мнение о человеке (На волчьей садке). Напечатаны стихи на отдельном листке и легко вынимаются из папки – *sapienti sat* (*умному достаточно*, лат.) (Осколки московской жизни, 1883 г., 27 августа). У публики становятся дыбом волосы, но тем не менее она вкушает и хвалит...Ей по душе наши маралы...*Suum cuique*... (*Каждому своё*, лат.) (Осколки московской жизни, 1884 г., 24 ноября).

Иногда автор вводит в текст статьи крылатые цитаты из произведений устного народного творчества, например: Далее следует заманчивый "отдел о премиях", выдающихся покупателям. Премии грошовые, но...*не дорог твоей подарок, дорога твоя любовь* (Осколки московской жизни, 1884 г., 18 августа).

Естественно, что многие фразеологические единицы А.П. Чехов использует, по меткому выражению В.И. Даля, для замены обычной речи "окольной", например: Прохожие сидят дома и не *показывают носа* на улицу... (Встреча весны). ...Ферейну выгодно, чтобы Келлер в *трубу вылетел*, а Келлеру невыгодно, если Феррейн благоденствует, – вот и всё (Осколки московской жизни, 1884 г., 21 июля). Но не думайте, чтобы Келлер *ударился в бегство* (там же). Знающих людей в Москве очень мало..., но зато философов, мыслителей и новаторов не обещья – *чёртова пропасть* (Осколки московской жизни, 1883 г., 2 июля).

Используются фразеологические единицы для характеристики речи персонажей, например: Господа?.. Можно ли так браниться при дамах? – И дам к свиньям! *Чёрта лысого* мне в твоих дамах! (Салон де варьете). – Цвинтелкин! Ступай сюда. Там тебя Раиса ищет! – *Чёрт с ней!* Не желаю! Она на шеколду похожа... (там же).

Однако обычное введение в текст фразеологических единиц далеко не единственная форма их использования молодым А.П. Чеховым. Уже в ранних публицистических произведениях он показал себя мастером употребления фразеологических единиц в публицистических жанрах. А.П. Чехов видит в фразеологических единицах не застывшие формулы речи, а своеобразный языковой материал, который он творчески использует в соответствии со смысловыми и эмоционально-экспрессивными задачами. Уже в ранней публицистической прозе А.П. Чехов прибегает к необычной сочетаемости фразеологических единиц, обозначающих высшую степень проявления признака таких, как: *во всю Ивановскую*, *во все лопатки*, *во все тяжкие*, *на чём свет стоит* и под., например: Надувательство работает *во все лопатки* (Осколки московской жизни, 1885 г., 6 июля). Поэты...*строчат на чём свет стоит* мадригалы, дифирамбы, приветственные оды, баллады и прочие стихотворные штуки... (Встреча весны). Причём с целью усиления эмоционально-экспрессивного воздействия на читателя автор иногда располагает их как градационный синонимический ряд, например: Вся молодёжь гуляет на все свои дивиденды, *во все тяжкие* и *во всю Ивановскую* (Осколки московской жизни, 1884 г., 21 января).

Не смущает автора и грамматическая фиксированность фразеологических единиц: часто в статьях и фельетонах глагольные фразеологические единицы трансформируются в причастные обороты и субстантивно-субстантивные словосочетания, например: Независимо от нашего *хромающего на обе ноги* статистического бюро всему миру известно, что москвичи любят помирать (Осколки московской жизни, 1884 г., 9 июня). Где кучка людей, там и он, кривляющийся и *ломающий дурака* (Осколки московской жизни, 1884 г., 18 августа). – В народе стали носиться зловещие слухи о крахе нового театра и *полёте в трубу* (Осколки московской жизни, 1883 г., 19 ноября). Вперемежку с коптением и *плеванием в потолок*

Они шутили (Осколки московской жизни, 1884 г., 14 апреля).

Проблемы сатирического и комического освещения действительности определили поиски дополнительной выразительности фразеологических единиц в ранней публицистике А.П. Чехова. Автор находит многочисленные приёмы усиления их выразительности. Распространённым приёмом является присоединение определения к фразеологической единице, например: Десять мужиков сидят в ряд. Перед каждым из них ведро, в ведре же *маленький крошечный ад* (В Москве на Трубной площади). Во всех 14 картинах авторы пускают шпильки в адвокатов, инженеров, кассиров и других *обычных козлов искупления* (Осколки московской жизни, 1884 г., 21 января). Определение иногда присоединяется к одному из компонентов фразеологической единицы, в результате чего "оживает" и первичное, прямое значение словесного комплекса. Двуплановость восприятия создаёт особую выразительность, например: Психология занимает самое видное место. На ней наши романисты *лежавую собаку съели* (Осколки московской жизни, 1884 г., 24 ноября). В жалобе своей он повествует о том, как он ходил по передним *великих железнодорожного мира сего* (Осколки московской жизни, 1884 г., 4 февраля).

Часто слова, поясняющие один из компонентов фразеологической единицы, оказываются внутри неё, что приводит её к расчленению и оживляет внутреннюю форму, например: Впереди – суд с бледным Демосфеном-Ринком во главе, позади публики, чувствующая себя в положении *сельдей в непечатом бочонке*... (Осколки московской жизни, 1884 г., 14 апреля). Мы смотрели на Сару Бернар и *приходили* от её трудолюбия в неопишувый *восторг*. (Опять о Саре Бернар).

Усиление и смыслового, и эмоционально-экспрессивного содержания осуществляется с помощью присоединения целого выражения, например: В оркестре, на местах контрабасов, барабана и флейт заседает *самая что ни на есть соль мира* (Салон де варьете).

Комический эффект создаётся автором, когда в одно предложение включается фразеологическая единица и омонимичное с одним из её компонентов слово в свободном употреблении, например: Гуся, во-первых, съедят, как съели свинью...Найдутся в Москве *гуси лапчатые*, которым захочется войти в ближайшее общение с умным *гусем* (Осколки московской жизни, 1884 г., 18 августа).

Особый комизм создаётся при включении в текст фельетона фразеологической единицы в качестве вводного или вставного элемента, например: Гусь стал умён, как та свинья, которую клоун Ганти продал купцам за 2000 р. и которую купцы (*своя своих не познаша!*) съели (Осколки московской жизни, 18884 г., 1 августа). Говорит Лев Гурыч в нос, движения его небрежны... В "антрепенёрах, *чёррт их возьми!*", он не нуждается (Осколки московской жизни, 1885 г., 2 марта).

Иногда, чтобы усилить эмоционально- экспрессивное воздействие на читателя, автор включает фразеологическую единицу в состав полупредикативного члена, присоединяя к нему ещё один полупредикативный член, например: Во-вторых, очевидно, как $2+2=4$, что объявления эти сочиняются юмористом, *прошедшим огонь, воду и медные трубы*, не щадящим ради "аллегорий" ни своего живота, ни живота патрона-заказчика (Осколки московской жизни, 1884 г., 18 августа).

Комический эффект создаётся, когда фразеологическая единица переоформляется в сравнительный оборот, с изменением грамматической структуры и компонентного состава, например: Люди, не спящие на перинах, ... забрасывались черняками, *как Макары шишками* (ср. на бедного Макара все шишки валяются) (Осколки московской жизни, 1884 г., 22 декабря).

Сатирическое изображение создаётся автором, когда фразеологическая единица включается в группу однородных членов. При этом происходит актуализация одного из компонентов или всего выражения в целом, стилизируются прямое и переносно-фразеологическое значение словесного компонента, например: *Злоба и вопрос* московского *дня* должны быть ошканы за свою малость... Оба они, злоба и ничтожество, состоят из одного только путешествия на Луну (Осколки московской жизни, 1884 г., 21 января). Сатира создаётся также путём включения фразеологической единицы в ряд однородных членов, объединённых повторяющимися отрицательными словами, например: На что понадобилась ему эта никому не нужная "история", *не разберёт ни чёрт*, ни кварталный, ни даже Фёдор Гиляров, умеющий объяснять причину всех причин (Осколки московской жизни, 1884 г., 31 марта).

Эмоционально-экспрессивное воздействие усиливается, когда автор объединяет две синонимичные поговорки в одно суждение-пословицу: Сцена мала, декорации плохи, торжественные возгласы короля не были по размеру к маленьким комнаткам, изображавшим дворцовые палаты. Но это не беда. *На безрыбье и рак рыба, а на безлюдье и Фома человек* ("Гамлет" на Пушкинской сцене).

Комизм создается автором с помощью приёма олицетворения, когда абстрактное понятие характеризуется с помощью фразеологических единиц, употребляющихся для характеристики "лица", например: Это общество собирается петь свою *лебединую песню*. Медленно, систематически обираемое в продолжение нескольких лет, оно наконец падает на спину и *испускает свой последний вздох* (Осколки московской жизни, 1883 г., 22 октября).

В целях создания комического автор конкретизирует фразеологическую единицу, заменяя один из её компонентов необходимым для этого случая словом, например: Он украл у детей для детей и делится с последними. Боря, Варя, Валя и прочие получают по *львиной порции* (Осколки московской жизни, 1884 г., 7 января). На запачканной жёрдочке сидит полинялый старик-дрозд... На свою неволю он давно уже *махнул лапкой*... (В Москве на Трубной площади).

Создание сатирического и комического в своих ранних публицистических произведениях А.П. Чехов осуществляет с помощью столкновения разнообразных стилистических средств. Во-первых, для создания иронии автор использует фразеологические единицы со сниженной стилистической принадлежностью, например: Купца Найдёнова посетила муза истории и *показала* ему *кукиши* (Осколки московской жизни, 1884 г., 3 марта). Над городами стояли зловонные туманы, а туманы эти состоят из микроорганизмов, производящих болезни. Чахоточных *тмя-тмуца* (Встреча весны). Когда-то я учился чему-то, но, *чёрт его знает*, забыл ли я всё или знания мои никуда не годятся, но выходит так, что каждую минуту я открываю Америку (В Москве). Какой город богаче: Москва или Лондон? Если Лондон богаче, то почему? *А шут его знает!* (В Москве). Он чешет затылок и спрашивает *сколько бог на душу положит* – или рубль, или три копейки, смотря по покупателю (В Москве на Трубной площади).

Сатирическое изображение создаётся, когда автор вводит в предложение несколько стилистически сниженных единиц: В Бердичевых, Житомирах, Ростовых, Полтавах – грязь по колена... Прохожие сидят дома и *не показывают носа* на улицу: *того и гляди утонешь чёрт знает в чём* (Встреча весны). Вешайте *носы на квинту*, все страдающие хоть самой маленькой одышкой! *Посыпайте пеплом* ваши *главы* и *рыдайте навзрыд* все короконогие...! (Осколки московской жизни, 1883 г., 27 августа).

Во-вторых, комический эффект создаётся, когда автор вводит в контекст со стилистически сниженной лексикой фразеологические единицы книжного стиля: Вы мечтаете, и перед вашими глазами мелькают один за другим: Булонский лес, Елисейские поля, Трокадеро... и наша "сердечная" m-le Лаврецкая, гуляющая, сорящая российскими червонцами *семо и овамо* (Опять о Саре Бернар).

Жил-был себе очень мудрый человек. Этот мудрый человек был *не от мира сего* : не ел, не пил, не спал, а всё науками занимался ("Гамлет" на Пушкинской сцене). Такой же эффект создаётся, когда просторечная фразеологическая единица выступает в окружении книжных слов: Есть у нас где-то у *чёрта на куличках* ренессансы и альгамбры, но они никем не посещаются (Осколки московской жизни, 1883 г., 16 июля).

Для создания сарказма А.П. Чехов использует фразеологическую единицу речевого этикета "будь здоров" при прощании с умершим: Ходит анекдот про некоего капитана, который будто бы, когда товарища опускали в могилу, собирался прочесть длинную речь, но выговорил "*будь здоров!*", крикнул и больше ничего не сказал (Хорошая новость).

Комический эффект достигается, когда автор противопоставляет в составе предложения две разностилевые фразеологические единицы: Хочется дышать, любить, страдать; на дачах, говорят, *рай земной*, а мы живём *чёрт знает* в какой пыли и вони (Осколки московской жизни, 1883., 10 сентября).

Для создания комического иногда автор создаёт на основе известных крылатых выражений собственный оборот, например: Взгляните на публику в то время, когда голоса: "Долой мужчин!" *Дайте* в это время *публике рычаг*, и она перевернёт землю! (ср. дайте мне точку опоры, и я сдвину землю) (Салон де варьете).

В ранних публицистических произведениях А.П. Чехов использует фразеологические единицы как текстообразующее средство. Это могут быть: а) самостоятельные предложения: *Чёрт знает что такое!* Утром просыпаемся, прихорашиваемся, натягиваем на себя фрак и часов в 12 едем в Большой театр. Приходим домой из театра, глотаем обед неразжёванным и строчим (Опять о Саре Бернар); б) организующий центр предложения: *Вешайте нос на квинту*, все, страдающие хоть самой маленькой одышкой! *Посылайте пеплом* ваши *главы* и *рыдайте навзрыд*, все коротконогие, слабобедрые и бедрослабые! Если у вас в паспорте не написано, что вы в состоянии пробежать без отдыха 15-20 вёрст в час, то лучше и не показывайтесь к нам в Москву (Осколки московской жизни, 1883 г., 27 августа); в) сказуемое: Один пекарь *открыл* Москве *глаза* (Осколки московской жизни, 1884 г., 26 мая). Наши сатиры *открыли Америку*. Обозрев мерзости мещанской богадельни, они так удивились, что можно думать, что они в Москву только вчера приехали... (Осколки московской жизни, 1884 г., 27 октября). В любом случае фразеологическая единица в роли зачина способствует развёртыванию повествования в юмористическом ключе.

В сатирической прозе важно найти "своего рода заключительный аккорд" [3:74], завершающий повествование или его фрагмент в том же юмористическом плане. Фразеологические единицы передают не только смысловое содержание, но и эмоциональное, поэтому А.П. Чехов в ранних сатирических произведениях нередко использует их в концовках, например: По Москве ходит слух. В одном клубе буфетчик... приготовляет восхитительный ликёр, а этот ликёр пьют важные особы... Всё шло тихо, смиренно, пока двое акцизных не пришли и не составили акта... Мораль сей басни такова: так как ликёр пили тузы, то акт порвали, а *акцизным дали по шапке*... (Осколки московской жизни, 1884 г., 13 октября). Если фразеологическая единица построена по модели предложения, автор воспроизводит в качестве концовки её без контекста: Этот сад более похож на коробку изпод сардин... В нём скучно... Увеселение только одно: какой-то коротенький, очень смешной человек... бегаёт по саду... с электрическим солнцем и направляет свет его в разные места. *Хитра голь на выдумки!* (Осколки московской жизни, 1884 г., 26 мая). Брошюрка г. Тимирязева особенно интересна тем, во-первых, что он московский профессор и известный учёный, во-вторых тем, что в этой брошюрке он старается доказать, что дирекция Московского Зоологического сада, во главе которой стоит тоже московский профессор и тоже известный учёный, занимается шарлатанством! *Шутка сказать!* (Фокусники).

В некоторых ранних публицистических статьях и фельетонах А.П. Чехов отводит фразеологическим единицам важную композиционную роль. При оформлении некоторых периодов автор использует фразеологическую единицу как средство межфразовой связи, причём части периода противопоставляются концовке: ... борзятники, перепелятники... мёрзнут и *сгорают от нетерпения*... Дам столько же, сколько и мужчин. Они тоже *сгорают от нетерпения*... И гимназисты... тоже *сгорают от нетерпения*... В ящиках наслаждаются жизнью герои дня – волки. Они, по всей вероятности, *не сгорают от нетерпения* (На волчьей садке).

Интересно использование фразеологической единицы "ни то ни сё" в фельетоне о Саре Бернар. В зачине, как бы рассуждая, автор даёт её в сопровождении модального слова "пожалуй", что держит читателя в напряжении (так ли?). Заканчивает автор период фразой без вводного слова, переходя от гипотетической модальности к реальной, подтверждая предполагаемую в зачине мысль: Труппа, разъезжающая с Сарой, - *ни то, пожалуй, ни сё*... Труппа очень приличная, выдрессированная, но... бесталанная. *Ни то ни сё*... (Опять о Саре Бернар).

Иногда в концовке, чтобы убедить читателя, автор повторяет фразеобразующий компонент фраземы: Жизнь не повторяется, и уж коли не жил в те дни, которые были тебе даны однажды, то *ниши пропало*... Да пропало, пропало! (В Москве).

Таким образом, уже в ранней сатирической прозе А.П. Чехов показал себя мастером в использовании фразеологических единиц.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сахарова Е.М. Я навсегда москвич // А.П.Чехов. Среди милых москвичей. – М.: Правда, 1988.– 620 с.
2. Федосов И.А. Функционально-стилистическая дифференциация русской фразеологии. – Изд.-во Ростовского ун-та, 1977. – 212 с.
3. Ефимов А.И. Стилистика русского языка. – М.: Просвещение, 1969. – 262 с.

Матеріал надійшов до редакції 04.09.2004 р.

Гужанов С.И. Фразеологические единицы как средство создания комического в ранней публицистике А.П. Чехова.

В статье описываются приёмы использования фразеологизмов для создания сатирического изображения действительности в ранней публицистике А.П. Чехова.

***Huzhanov S.I. Phraseological units as a means of creation of a comical effect in the early publicistic
by A.P. Chekhov.***

The article highlights the methods of employing phraseological units to create a satirical portrayal of reality in the early publicistic works by A.P. Chekhov.